КРОКОДИЛ

— Не беспокойтесь, такую шубку ей сошьем, что никакой коровник не будет страшен!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Сем. НАРИНЬЯНИ

ДЕЛО О ПОЩЕЧИНЕ

Анатолий Кишкун, студент четвертого курса географического факультета, дружил со студенткой Ольгой Пискуновой. Ольга аккуратно посещала лекции, вела подробные конспекты. Анатолий (студенты звали его интимней — Толик) учился так себе, конспектов не вел. Да и зачем Толику были свои конспекты, если он мог одолжиться у Ольги? Придет к ней вечером, полистает тетрадку, выпьет чаю тройной заварки, закусит булочкой или бутербродом. Друг Толик дружил с другом Ольгой три семестра кряду, а на четвертый, не объясняя причин, порвал с Ольгой всякие отношения и стал ходить листать конспекты, пить чай тройной заварки к студентке Розие Усмановой, проживавшей этажом ниже.

Коварное поведение друга Толика обидело друга Ольгу. Студентка-отличница потеряла вкус к учебе и вместо пятерок стала получать двойки. Среднеарифметическая успеваемости группы № 11 пошла книзу, и староста группы Григорий Джикия прибежал в редакцию:

— Толика Кишкуна нужно вывести на чистую воду. Толик кружит головы, обманывает студенток.

— Пусть студентки сами не будут дурами! Зачем они липнут к прохвосту, поят его чаем?

— У прохвоста прекрасные данные.

— Какие?

— Антропометрии и спирометрии. Рост — 184 сантиметра. Объем груди свыше 7 тысяч кубиков. И вдобавок глаза карие, с поволокой.

Данные антропометрии меня не интересовали. Вот если бы узнать, что делается в душе Толика...

— Если нужно, могу узнать,— сказал Гриша Джикия.

— Как?

— Проведу эксперимент, кину Толику крючок с приманкой...

Эксперимент Гриши Джикия был и прост и хитроумен одновременно. Гриша пустил в своей группе слух, будто Ольгу Пискунову постигло несчастье вкупе со счастьем. После тяжелой и продолжительной болезни у Ольги якобы умер дядя, заслуженный деятель наук профессор Преферансов. Дядя-профессор оставил племяннице-студентке в наследство дачу в Апрелевке и машину «Волга». Через день новость, сочиненная Гришей Джикия, распространилась по всему институту.

Подруги, встречая Ольгу, обнимали, целовали, спрашивали, что она, студентка, будет делать с богатым наследством—дачей в Апрелевке и «Волгой». И Ольга отвечала так, как научил ее староста группы:

— Пока не знаю. Пройдут сороковины — решу.

Закинув удочку с привадой, Гриша ждал, когда начнется клев. А Толик Кишкун, прежде чем кинуться за червячком, решил полистать «Вечерку», проверить, были ли там какие-нибудь сообщения о смерти Преферансова. Были. Заметка в траурной рамке. Коллеги-ученые так тепло говорили в заметке о щедром, отзывчивом сердце Преферансова, что Толик прямо из библиотеки пошел в атаку на наследницу.

В тот же день, словно случайно, друг Толик встретил друга Ольгу. Он улыбнулся ей и сказал:

— Давай помогу — донесу книжки до общежития.

— А что, если встретится Розия?

— Вспомнила! Я про Розию и думать забыл.

— Почему?

— Люблю только тебя.

И, обняв за плечи друга Ольгу, друг Толик начинает шептать, советовать неопытной девушке, как лучше распорядиться наследством, пока тетя Преферансова не приняла контрмер против дядиного завещания:

— Прежде всего забери «Волгу» из профессорского гаража.

— Заберу, а куда дену?

— Поставим машину во дворе мужского общежития. Я буду присматривать за ней из окна. Сторожить.

— Перекладывать свои заботы на чужие плечи? Нехорошо!

— Почему чужие? Пойдем завтра в загс, и мои плечи станут твоими...

— Не хочу омрачать память усопшего. Пока не кончатся сороковины, в загс не пойду.

Сверившись с тем же номером «Вечерки», Толик подсчитал, что сороковины кончаются 15 августа, значит, шестнадцатого друг Ольга может, не омрачая памяти усопшего, пойти с другом Толиком в загс, а семнадцатого молодая жена отправится в нотариальную контору и оформит мужу доверенность на право совладения и управления «Волгой».

Но 17 августа Толику не была выдана доверенность на право совладения и управления «Волгой», так как еще 14 августа друг Ольга вместо того, чтобы наполнить чашку очередной порцией крепко заваренного чая, кинула чашку в голову жениху, с шумом выставив его за дверь.

На следующий день опозоренного жениха вызвали на заседание комсомольского комитета, где староста группы № 11 Гриша Джикия сделал сообщение о результатах проведенного им эксперимента.

— Прохвост! — резюмировал сообщение комсорг.

— Прохвост! — подтвердили члены комитета.

И, хотя мнение у членов комитета было единодушным, предложения о мерах наказания прохвоста они внесли разные.

— Исключить,— предложили одни.

— Хватит с него и строгача,— сказали другие.—Толик сделает из случившегося нужные выводы и перевоспитается, станет порядочным человеком.

Друг Толик не перевоспитался, не стал порядочным. С Олей Пискуновой он поддерживал дружбу семь месяцев. С Розией Усмановой — восемь, а потом надоела и Розия, и Толик перенес внимание на первокурсницу Надежду Бомбардову. Покинутая Розия вынуждена была написать в ректорат заявление, последняя фраза которого читалась так:

«Часто мы допоздна задерживались с Анатолием Кишкуном за учебниками и конспектами, в результате чего я скоро должна стать матерью, в связи с чем прошу дать мне академ. отпуск сроком на год».

В дни, когда ректорат решал, что делать с полученным заявлением, староста группы № 11 Гриша Джикия, встретившись утром перед началом занятий с другом Толиком во дворе института, спросил:

— Как ты поступишь теперь с Розией, женишься?

— Новое дело! Подружили — и хватит с нее!

— Дружба! Какое хорошее слово, и как подло ты обходишься с ним!

— Сердцу не прикажешь. Любил прежде Розию, дружил с ней. Полюбил сейчас Надю, буду дружить с ней.

Циничный ответ возмутил Гришу Джикия. Впечатлительному комсомольцу захотелось влепить пощечину прохвосту. А прохвост, увидев в воротах первокурсницу Надю, кинулся ей навстречу. Староста догнал Кишкуна, встал между ним и Надей, крикнул:

— Защищайся, гадина!

И здесь, перед воротами пединститута, вторично произошла схватка, описанная в святом писании под титлом: «Бой Давида с Голиафом». Рост у Толика был, может, и не совсем голиафский, но тоже дай бог — 184 сантиметра. А у Гриши Джикия — всего 159. Чтобы дотянуться до щеки Толика, Грише пришлось бить с припрыгом. Удар получился несильным, тем не менее Кишкун взвыл от возмущения. Еще бы, его публично назвали гадиной, публично дали пощечину, да еще на глазах предмета его страсти, студентки Нади Бомбардовой.

Кишкун рассвирепел и пошел в наступление на маленького Гришу Джикия, а тот смотрел на пудовые кулаки и только хлопал печальными восточными глазами. Ничего более существенного для защиты при своих скромных антропометрических данных он сделать, конечно, не мог.

Плохо пришлось бы Грише Джикия, не окажись тут во дворе студенты группы № 11. Студенты слышали диалог, который произошел между Давидом и Голиафом, и сказали Голиафу:

— Не тронь!

Голиаф вскипел, выругался, студенты не остались в долгу. Двое взяли друга Толика за руки, двое за ноги и несколько раз макнули его носом в жирную холодную лужу. А после купания друг Толик был предупрежден: если он и впредь будет здесь ошиваться и кружить голову первокурснице, то в следующий раз его ткнут носом уже не в лужу, а о порог парадного входа в институт.

В этот же вечер Грише на дом позвонил разгневанный комсорг и велел прийти пополудни в комсомольский комитет для ответа. Я пришел к секретарю на час раньше, чтобы выяснить, чем вызвано его недовольство честнейшим Гришей Джикия.

— Подвел, сильно подвел нас Гриша,— сказал комсорг.— Мы готовили большое комсомольское собрание, чтобы обсудить поведение Кишкуна, выгнать прохвоста из комсомола. И теперь вынуждены это собрание отложить...

— Почему?

— Кишкун сделал контрвыпад. Подал в райком заявление, в котором доказывает, что он не виновник, а пострадавший.

— Контрвыпад не поможет прохвосту. Райком разберется что к чему!

— Все равно Гриша Джикия не должен был устраивать мордобоя.

— Это не мордобой, а только рыцарская пощечина.

— Вы что, оправдываете рукоприкладство как способ перевоспитания прохвостов?

— Нет. Я не оправдываю рукоприкладства, я за более интеллектуальные меры воспитания и перевоспитания.

— В четверг мы будем разбирать «дело о пощечине» на заседании комитета,— заявил мне секретарь.— Не знаю, какой точки зрения будут придерживаться члены комитета, лично я придерживаюсь самой крайней: дать всем сестрам по серьгам — всех шестерых виновников исключить из комсомола. Анатолия Кишкуна за нетоварищеское отношение к девушкам, Григория Джикия и его четверых товарищей из группы № 11 за учиненный мордобой. А у вас какое мнение?

А у меня было мнение другое. Я решительно против того, чтобы ставить знак равенства между отъявленным прохвостом и честными, хорошими парнями.

Согласен, Толика Кишкуна нужно гнать в три шеи из комсомола. Сделать это, кстати, следовало еще в прошлом году, когда друг Толик собирался на глазах всего факультета жениться на бежевой «Волге» профессора Преферансова. Кстати, выгнать не только из комсомола, но и из института. Ну какой Кишкун педагог!

Тут крайние меры уместны, справедливы. А зачем искусственно создавать «дело о пощечине»? Дела-то никакого не было и нет! А что есть? Есть пятеро хороших, излишне впечатлительных студентов группы № 11, которые под влиянием добрых, товарищеских чувств кинулись на защиту обиженных девушек. Тут комитет вполне может обойтись без сильнодействующих средств, тем более хирургических. Виновникам следует объяснить по-доброму, по-товарищески, что комсомольцам не след применять пощечины, не след макать прохвостов в лужи, так как у комсомола есть более эффективные и более культурные меры воздействия на плохо воспитанных молодых людей вообще и молодых прохвостов в частности.

— Как же нам теперь вызвать милицию?

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Самиг АБДУКАХХАР

Современный романс

Переехала контора!..
В старом зданье — кавардак:
груды всяческого сора,
горы папок и бумаг.
И внезапно между ними
мне
мое
мелькнуло имя...
Так и есть — она, родная!
Вспоминаю,
сколько дней
я ходил за ней, стеная,
сколько суток сох по ней!
Убегал за ней с работы
и, сраженный наповал,
от субботы до субботы
сто порогов обивал!
И однажды, в день, который
до сих пор благодарю,
я принес ее в контору
и вручил секретарю...
А теперь
вот эта справка
на меня глядит из праха!

...Объясните, бога ради,
если это вам с руки:
так на что же я потратил
мои лучшие деньки!

Перевел с узбекского
А. НАУМОВ

— Вам товарища Кузькина? Его сократили, так что он скоро вернется.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

БИЗНЕС СО ВЗЛОМОМ

Все для гангстера

Что делать одинокому гангстеру, если он собрался совершить ограбление или убийство, а под рукой у него нет револьвера? Выскочить на улицу, подбежать к полисмену и попросить у него на вечерок служебный «кольт»? Так ведь он ему самому нужен...

К счастью, выход есть.

Железный закон спроса и предложения и здесь сказал свое веское слово. Раз есть люди, которым в любое время суток срочно может понадобиться оружие, значит, есть и люди, которые им это оружие могут предложить. В большом выборе и за умеренную цену. Недавно в Вашингтоне полиция накрыла один такой пункт проката оружия, располагавший довольно солидным арсеналом. Стоимость проката револьвера и шести патронов — пятнадцать долларов за ночь.

Легко представить себе, как работают такие пункты.

— Слушаю вас, сэр,— вежливо кивает посетителю человек за прилавком,— что вам угодно?

— Уж, конечно, не букет цветов,— ухмыляется посетитель. — Что-нибудь стреляющее.

— Понимаю, сэр. Для испуга или для дела?

— Для дела.

— Понимаю, — кивает человек за прилавком.— Могу предложить великолепную «беретту». Самые лучшие отзывы.

— Тех, кто стреляет, или тех, в кого стреляли? — шутит посетитель.

— Ха-ха, — благовоспитанно смеется человек за прилавком.— Наши клиенты — это те, кто, а не те, в кого. Прикажете завернуть?

* * *

Великая все-таки вещь — сервис.

АЗАРТНЫЕ ВЗЯТКИ

До конгресса дошли слухи, что нью-йоркская полиция трудится под вдохновляющим лозунгом «Дают — бери». Специальная комиссия конгресса США взялась за расследование. Легко и быстро конгрессмены установили, что американские «стражи порядка» берут взятки от торговцев наркотиками, от содержателей нелегальных публичных домов и притонов азартных игр. Обнаружилось, что из 600 агентов-экспертов по раскрытию тайных притонов азартных игр большинство зарабатывает на «борьбе с азартом» в среднем по 20 тысяч долларов в год. Тут и в азартные игры не нужно играть — без того сплошной выигрыш! Один из высших полицейских чинов устало заявил членам комиссии: «Борись не борись — все равно ничего не поможет, так что лично я в игорных домах принимаю любую взятку— будь то две тысячи или два доллара».

Конгрессмены запротоколировали показания, присовокупили выводы, зевнули и укатили к себе в Вашингтон заседать по другим вопросам.

Коллекция «Колорадского жука»

Колорадский миллионер Джон Кинг возбудил иск против правительства США. Кинг через суд добивается передачи ему в собственность той самой винтовки с оптическим прицелом, из которой Освальд (по официальной версии) якобы застрелил президента Джона Кеннеди. Кинг обосновывает свои права на владение исторической винтовкой тем, что он якобы купил это оружие у вдовы Освальда и авансом выплатил ей десять тысяч долларов.

Пахнущие кровью реликвии вообще являются в США весьма ходовым товаром. Так, в прошлом году тот же «Колорадский жук» (прозвище миллионера Кинга) купил за четыре тысячи долларов прядь волос и кусок окровавленного фрака убитого президента Линкольна.

Джон Кинг настроен оптимистически. Он знает, что пополнит свою коллекцию еще многими окровавленными экспонатами. Он верит в свою страну.

Тихие грабители

Боже, до чего быстро все меняется в США! Совсем недавно при словах «ограбление банка» в сознании возникала картина: несколько гангстеров в низко надвинутых на лоб шляпах, с пистолетами, бледные кассиры с поднятыми вверх руками, чавканье распахиваемого сейфа, скрежет автомобильных покрышек, запоздалый вой полицейских сирен...

Мы не хотим сказать, что всего этого нет. Есть, конечно, но чаще всего ограбление банков в США нынче происходит совсем не так.

Во-первых, современные грабители, как люди цивилизованные, придя в банк, снимают шляпы внизу, в гардеробе. Во-вторых, они вежливо раскланиваются с персоналом и вместо привычного «Руки вверх!» комментируют сводку погоды. В-третьих, они вовсе не торопятся улизнуть на мощных машинах с подмененными номерами, а терпеливо дожидаются окончания рабочего дня. Дело в том, что они, строго говоря, вовсе и не гангстеры, а добропорядочные банковские служащие и даже члены правлений. Все это народ солидный, респектабельный, семейный, бледнеющий даже при одном виде пистолетов или автоматов. Так сказать, столпы общества. Так вот, за прошлый год эти столпы очистили без малого СЕМЬСОТ БАНКОВ, прикарманив около ПОЛУТОРА МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ. Нет-нет, мы не оговорились, именно миллиардов. Это значительно больше, чем добыча, так сказать, классических гангстеров от лихих налетов на банки.

И все тихо, пристойно, цивилизованно. Чуть-чуть подчистить чек, чуть-чуть изменить цифру, чуть-чуть приложить фальшивый счет — и не нужно портить стены выбоинами от пуль.

Причем не следует думать, что воруют лишь отчаявшиеся кассиры, которые проигрывают подотчетные суммы на скачках. Боже упаси! Целых сто пятьдесят два банка были ограблены своими же правлениями. Это уже, впрочем, не совсем грабеж. Это уже бизнес.

БУМ В ПОДПОЛЬЕ

По американским этическим нормам человек, который делает деньги, — хороший человек. Индивидуум, который загребает гигантские деньги,— превосходная, выдающаяся личность. Отсюда ясно, почему американская полиция и суд столь уважительно относятся к гангстерам. Еще бы! Общий оборот операций гангстерского концерна «Коза ностра» достигает 30 миллиардов долларов в год, а чистый доход превышает прибыли семи крупнейших «законных» американских концернов. «Впрочем, — осторожно добавляет американский журнал «Тайм»,— последние тоже порой совершают не вполне законные операции».

Финансовые эксперты подсчитали, что если бы гангстеры платили налоги со своих доходов, то налогообложение в государстве можно было бы снизить на 10 процентов.

Но гангстеры почему-то увиливают от уплаты налогов. Напрасно они так! Ведь уклонение от налогов — это, в сущности, единственная претензия, которую правительство США адресует концерну «Объединенные бандиты и К°».

— Как ты отделался от суда за убийство?
— Выдал себя за политического эмигранта.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ПРОЗРЕНИЕ ГАНГСТЕРА ПИСТОЛЕТТИ

— Баста, хватит крови!—объявил за утренним кофе гангстер Джо Пистолетти.— Не дырявь череп ближнего, и да не издырявлен будешь. Перехожу в легальный бизнес.

В ответ раздался тяжкий, глухой стук. Это миссис Пистолетти от удивления свалилась со стула.

До сих пор точно не установлено, что послужило толчком для столь внезапного обновления души матерого гангстера.

То ли было ему видение горних ангелов в белых макси-хламидах, то ли потрепанная центральная нервная система старика Пистолетти дала трещину. Так или иначе, почтенный мастер мокрых дел решил стать на стезю добропорядочного бизнеса.

И вот в рассуждении куда податься, он начинает читать мемуары известных промышленников и финансистов и подчас встречает там нечто такое, что заставляет его еще глубже призадуматься.

«...Внезапно Гарри понял, что я вожу его за нос. Сначала он обрушил на меня поток проклятий, а затем выдвинул ящик письменного стола и попытался было достать оттуда пистолет. Но я тоже не дремал и, быстро выхватив из кармана свой 38-калиберный, взял этого неврастеника на мушку».

Это бывший вице-президент «Форд мотор компани» Джон Бугас вспоминает о том, как он передавал дела своему преемнику Гарри Беннету.

Старика Пистолетти пробрал озноб.

— Брр... И здесь пальба. Нет уж, ну его к черту, этот автомобильный Олимп. Пропадешь ни за что, ни про что. Придется, видно, искать счастья в менее возвышенных сферах.

Решив держаться от автобизнеса подальше, благочестивый гангстер надумал податься в металлургию. Он отыскал на карте захолустный городишко Маскегон, штат Мичиган, и принялся паковать чемоданы. Но тут как на грех ему на глаза попался журнал «Ньюсуик». Усевшись на чемодан, Пистолетти принялся читать интервью корреспондента с директором местного металлургического завода, принадлежащего компании «Лэки Фаундри».

«— На вашем сравнительно небольшом предприятии,— удивляется журналист,— десятки людей ежегодно гибнут от силикоза. Неужели нельзя принять меры предосторожности?

— Видите ли,— благодушно поясняет его собеседник,— наш компьютер подсчитал, что создание надежной системы по очистке воздуха обойдется в несколько раз дороже, чем выплата пособий семьям погибших».

Джо Пистолетти нервно забарабанил пальцами по столу.

— Меня никто еще не называл сентиментальным,—забормотал он,— но что-то не лежит у меня душа к легальному металлургическому бизнесу, если люди там мрут, как мухи. Уж лучше я попробую свои силы на финансовом поприще.

Беглый просмотр одного из номеров газеты «Лос-Анджелес таймс» как будто укрепил его в этом намерении. «Если вам случится встретить человека с радостным выражением лица,— прочитал он в газете,— можете держать пари, что это ростовщик, ссужающий деньги под заклад: в десяти случаях из десяти пари будет вами выиграно».

И вот наш гангстер вслед за репортером «Лос-Анджелес таймс» заглянул в один из калифорнийских ломбардов. Хозяин заведения Стэнли Вирджил был приветлив, общителен и откровенен.

«— Такого количества новых лиц я не видел у себя со времени Великого кризиса 1929 года,— рассказывал он.— С каждым днем все большее число людей несет сюда свои часы, обручальные кольца, драгоценности. Избыточное предложение дает мне возможность приобретать вещи за десятую часть их стоимости. Для нас, заимодавцев и скупщиков, в Соединенных Штатах наступает золотой век.

Вирджил не прочь пофилософствовать.

— В детстве,— вспоминает он,— я всегда с интересом наблюдал за тем, как коршун набрасывается на курицу, и еще тогда пришел к выводу, что по воле господней все люди делятся на хищных коршунов и беспомощных кур. Тогда же я и сделал свой выбор...»

Пистолетти брезгливо поморщился. И здесь хищники выпускают кишки своим жертвам. Боже, куда податься? Где же они, душевные и отзывчивые бизнесмены, те, что в атмосфере кротости и взаимопонимания ведут дела с клиентами?

В отчаянии Джо Пистолетти обратился к книге американского журналиста Питера Масса «Канарейка, которая запела». Речь в ней идет о некоем «хайджекере», как называют в США гангстеров, специализирующихся на захвате в воздухе самолетов. Человек этот, долгое время заставлявший трепетать сердца владельцев и пассажиров авиалиний, тоже захотел было окунуться в лоно легального бизнеса. Но... убоялся. «Слишком мягкий у меня характер,— сетовал он Массу.— В деловом мире нужна другая хватка. Скажу откровенно: я просто не смог преодолеть комплекса неполноценности».

— Баста! — сказал за утренним кофе гангстер Джо Пистолетти.— К черту этот так называемый легальный бизнес. Займусь-ка я чем-нибудь почище. Быть может, имеет смысл вернуться к прежней профессии — взлому сейфов.

В ответ раздался звук смачного поцелуя. Это миссис Пистолетти чмокнула в щеку своего образумившегося супруга.

Г. АЛЕКСАНДРОВИЧ

На снимке: губернатор штата Нью-Йорк миллиардер Нельсон Рокфеллер призывает избирателей голосовать за него на выборах.

А. АРТЕМЦЕВ

Рассказ

ВЫ МЕНЯ ЛЮБИЛИ...

Дверь в одну из комнат завкома осторожно приоткрылась. Чуть повыше английского замка появилась лысая, на короткой шее голова. Убедившись, что никого нет, крадучись, вошел низенький человек. Правый глаз его смотрел на мир радостно, почти восторженно, левый — затаенно и воровато. Человек проследовал по ковровой дорожке и плюхнулся на колени перед фотографией на доске объявлений.

— Вот я и достукался, уважаемый Василь Васильич,— сказал он, заглядывая исподлобья в простое, добродушное лицо на фотографии, окаймленное траурной лентой.— Выгоняют меня. С треском. Похоже, под суд попаду... И недели не прошло, как мы вас отправили в бессрочную командировку, если так можно выразиться, а сколько перемен!..

Человек зажал ладонями уши и закачался из стороны в сторону.

— Не любят меня,—вздохнул он.— А вот вы, Василь Васильич, другое дело. Я знаю, вы меня любили, а я, подлец, изо дня в день расшатывал ваше драгоценное здоровье. И расшатал-таки. Какой дуб свалил, а? Это я, Гопченко, написал вашей жене, будто бы у вас с секретаршей Люсей шуры-муры... Помню, как, примчавшись на такси, супруга ожидала вас у проходной...

Это я, Гопченко, устроил юбилейный вечер в честь вашего пятидесятилетия... Помню, вы не пили, не ели и все допытывались у бухгалтера Бузункова: за счет каких фондов такое веселье, в какую цифру оно вылилось и кто за это будет отвечать? И сами ответили...

Я знаю, вы меня любили и мне доверяли. Но те бесчисленные комиссии, что стучались к вам с очередной проверкой,— моя работа... И после каждой из них вы хватались за сердце и совали под язык таблетки, которые сосать положено... Теперь я каюсь! — сказал Гопченко и осекся. Ему почудилось, что бывший шеф смотрит на него в упор, сурово и презрительно...

Он встал, отряхнул колени и, как бы оправдываясь, добавил:

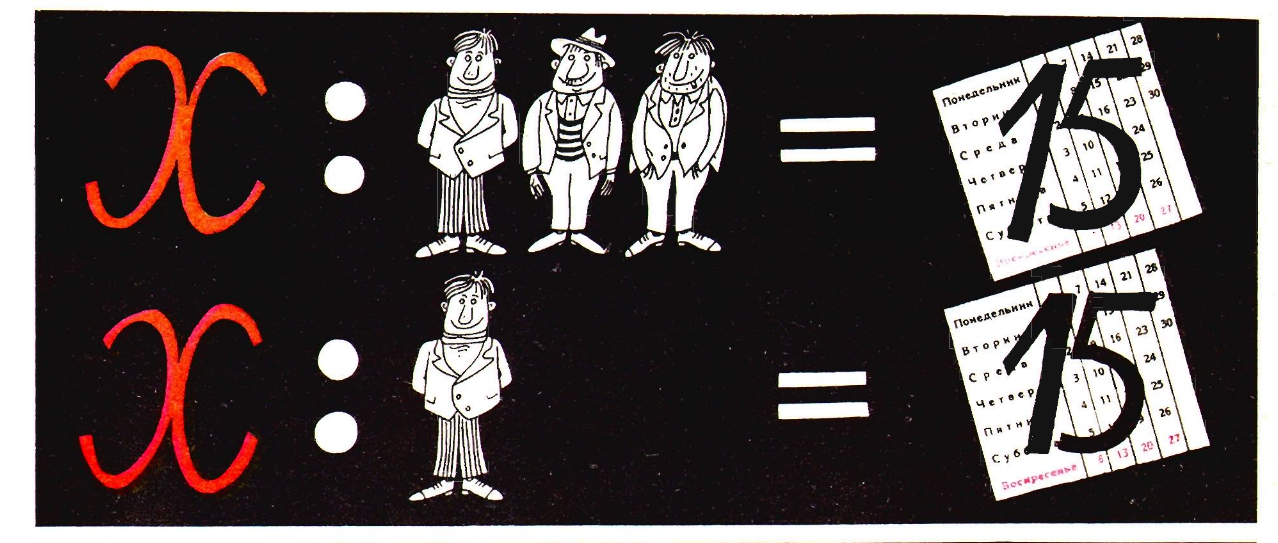
— Зря все это я. По простоте души разоткровенничался. Меня вон с работы гонят, тюрьмой грозят — и ничего, пульс нормальный. Вот какое сердце надо иметь! — заключил он и потрогал себя за пустой карман на груди слева.

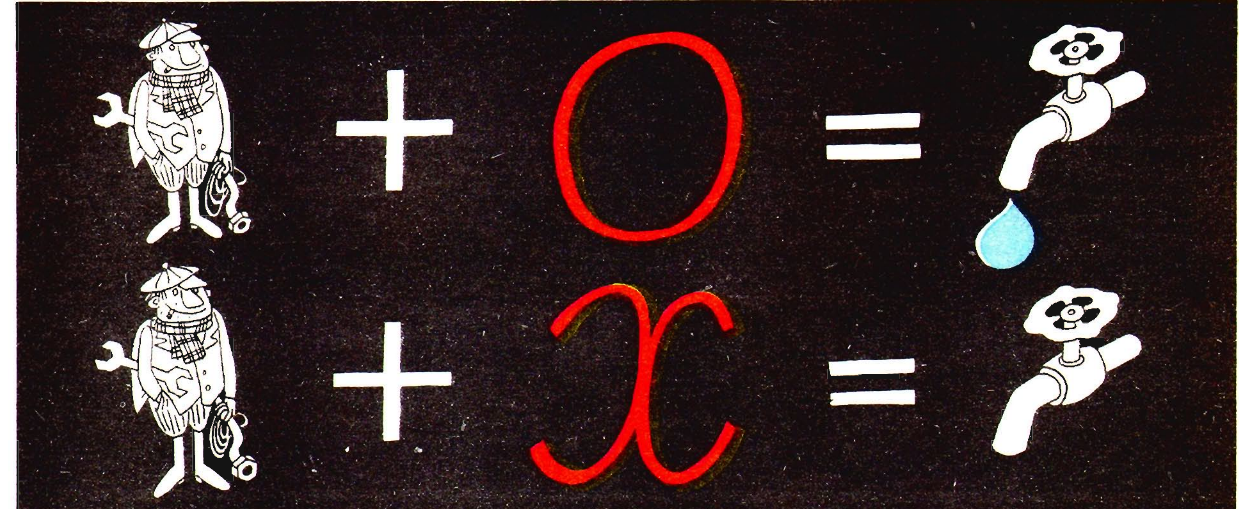
...Из комнаты вышел маленький лысый человечек. Правый глаз его смотрел на мир радостно, почти восторженно, левый — затаенно и воровато.

г. Орехово-Зуево.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Найдите икс.

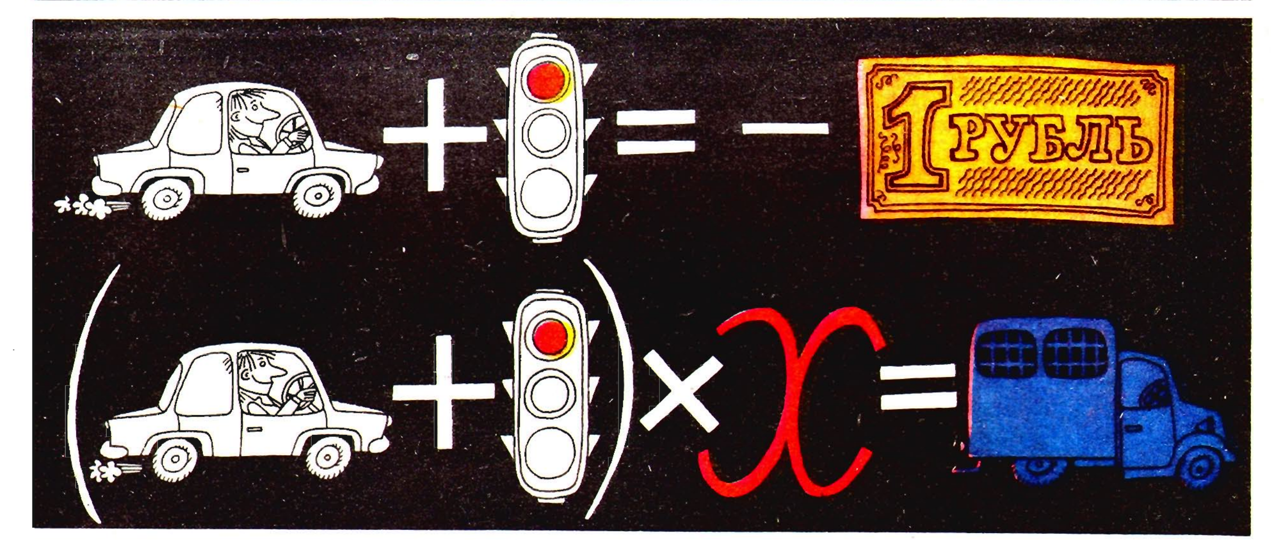

Рисунок В. ШКАРБАНА

Ответ см. на стр. 14.

За здоровье новоизбранных!

Тов. Баринов мучился.

— Почему отчет и выборы в нашей профорганизации навевают такую скучищу? — сказал он как-то на людях. — Активность мизерная, кое-кто зевает, некоторые в карманные шашки играют, а то и вовсе спят. Пора внести в это дело свежую струю.

Присутствующие оживились.

Председатель постройкома продолжал:

— Нужно, чтобы каждый на собраиии чувствовал себя свободно и раскованно. Как дома. Чтобы присутствие на конференции было днем активного отдыха. Для грядущих перевыборов нужно найти подходящее место.

Все зааплодировали. И двести двенадцать профделегатов получили путевки в однодневный дом отдыха «Сокольники».

Светило солнышко. Профделегаты, азартно вдыхая озон, разбрелись по палатам. В назначенный час в домашних тапочках и пижамах собрались на веранде. Модерновая стойка бара заменила стол президиума. Только вместо барменов за ней расположились постройкомовцы и почетные гости. Быстренько одолев первые два пункта повестки дня и избрав счетную комиссию, делегаты спустились вниз, в столовую.

Стол был банкетной кондиции: бутылка водки (на двоих), по бутылке пива и воды (на каждого) и соответствующая закусочка. Председательствующий на конференции секретарь парткома тов. Жив был единодушно избран тамадой.

Когда подошла счетная комиссия, пир был в разгаре.

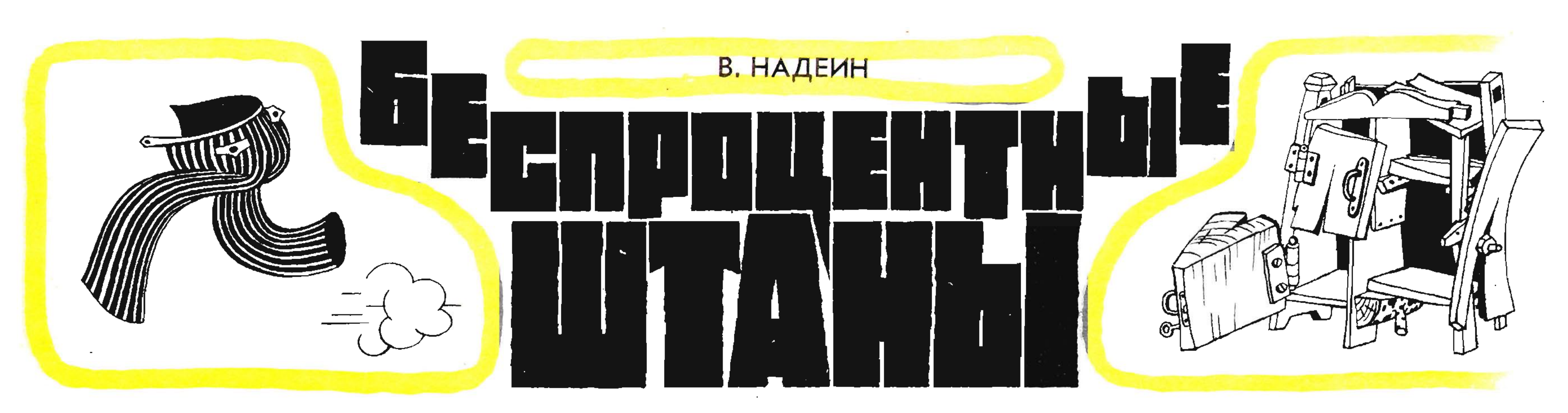
— Водки — раз, два, три... сто шесть бутылок,— машинально начал считать главный счетчик. — Пива — раз, два...

— Не беспокойтесь, — шагнул навстречу комиссии тамада, — вам тоже оставлено... Итак, кто за то, — крикнул он, перекрывая звон посуды и застольные песни, — чтобы одобрить протокол в целом? Единогласно! В таком случае позвольте выпить этот бокал за здоровье новоизбранных!

А в углу несколько делегатов затеяли конкурс: кто без запинки, на одном дыхании произнесет имя родимого предприятия:

— Трест «Мосстроймеханизация» номер два Главмосстроя!

Э. АБРАМОВ

24 июня 1967 года гражданин Адамия Н. А. сдал брюки в пункт химчистки № 7 по улице М. Горького в г. Баку. Брюки были лишь чуть-чуть запачканы, а так совсем еще новые, в полоску. Если бы гр-н Адамия не был таким привередою и чистюлей, он и по сию пору носил бы свои брюки. Но в те времена властвовала над ним гордыня, и как существовать в отчасти загрязненных брюках, он даже не представлял.

А брюки, конечно, пропали.

Если бы это были последние его брюки, тогда бы еще ничего. Тогда бы он посидел недельку-другую дома и успокоился. Но у него были еще другие брюки, в которых он через день приходил в химчистку и ужасно всем надоел. Потому что если человеку триста раз подряд объясняют, что нету штанов, пропали, а он не успокаивается, так это уже явный перегиб. Люди-то в химчистке не железные!

Но спустя два года гр-н Адамия и сам уразумел, что хватил лишку. Он тогда перестал нервировать химчистку и ее бакинских лидеров, а обратился к самой широкой общественности. Чтобы посредством печати вызвать к себе всесоюзное сочувствие, поскольку брюки были совсем еще новые.

Может, которые сердобольные и всплакнут от жалости, но я лично, когда об этом узнал, ни капли гр-ну Адамия не сочувствовал. Завидовал — это так, скрывать не стану. И еще злился — везет же некоторым!

Я ведь сразу догадался, почему он жалуется. Он, наверное, газет не читает. То есть он, может, и грамотный и даже подписчик, но все же не шибко эрудированный. И по простоте своей даже не подозревает, что может иметь со своих пропавших брюк крупный процент. Пачку сигарет с фильтром — ежедневно и стакан портвейну — по субботам, как минимум. Другой бы на его месте сидел тише воды. Я, например.

А тут как раз и мне пофартило. Началось с того, что я заказал книжный шкаф в цехе № 2 управления бытового обслуживания Ленинского района г. Москвы.

— Только не стоит торопиться с выполнением заказа,— сказал начальник цеха.— То есть мы, конечно, можем уложиться в установленные сроки. Но предупреждаю: шкаф получится очень плохой, поскольку материалы аховые. Хотите очень плохой шкаф?

— Нет,— говорю,— очень плохого мне почему-то не хочется.

— Тогда запишем срок — через полгода.

Все эти полгода я сидел как на иголках. Неужто, думаю, уложатся? Но ничего, обошлось.

— Сделать, конечно, можем,— повторил начальник, когда истек указанный в квитанции срок.— Но получится крайне скверно. Хотите? Нет?.. Тогда зайдите через месяц.

Я, понятно, обрадовался, но виду не подаю.

— А может,— спрашиваю,— лучше через два месяца?

— Конечно, лучше,— обрадовался и начальник.— Или даже через три.

Другой бы, скажем, гр-н Адамия, стал ругаться, в бутылку полез. А я проникновенно пожал начальнику руку и спокойно удалился. И такая у меня воцарилась благодать на душе!..

Одно плохо: жена, извините, пилит.

— Почему,— говорит,— к Филиппычу не обратились? Филиппыч бы потихоньку — тюк-тюк, протрезвеет и снова тюк-тюк... Давно б при шкафе жили.

— Нельзя,— темню я.— Филиппыч, он ведь сугубый частник. Он игнорирует электричество, не идет в ногу с технической революцией, а это меня социально раздражает.

— А меня,— негодует жена,— раздражают книги, которые валяются на полу. У других мужья — настоящие хозяева, а у меня...

Тут уж я не выдержал.

— Эх,— говорю,— а еще жена! Подруга, называется, жизни! Не ценишь ты моих способностей. Газет опять же не читаешь. На, убедись, какой у тебя эрудированный супруг!

И протягиваю ей газету «Известия» за 9 октября 1965 года. А там большая статья под названием «Неустойка с нерадивых». И черным по белому напечатано, что за неисполнение заказов в срок предприятия бытового обслуживания выплачивают заказчику пени. С 1 января 1966 года.

— Не может этого быть! — удивляется жена.— Это, наверное, какой-нибудь научный фантаст написал. Профессор Санников или братья Стругацкие.

— Сама ты научный фантаст! — разозлился я.— Статью написал первый заместитель начальника Главного управления бытового обслуживания населения при Совете Министров РСФСР товарищ Самойлов Борис Алексеевич. А уж он фантазировать не станет: должность не та. В общем, готовься к получению суммы.

— А какой,— спрашивает,— суммы?

— Пока не знаю, но завтра уточню. Рублей, полагаю, десять, если не больше.

На следующее утро позвонил в Московский горарбитраж. Но, конечно, раскрывать свою личность не стал, а поставил вопрос в обобщенной форме:

— Вот ежели один завод задержал, предположим, изготовление заказа на такую-то сумму другому заводу, так каковы получатся штрафные санкции?

Товарищ Черкасов из арбитража меня прямо как подушкой по голове. Такой мягонькой подушкой, пуховой:

— Семьдесят пять рублей!

Мать честная, думаю! Эдак еще пару месяцев, и костюм новый справлю. Или лучше через годик лодку «Казанку» с мотором куплю... Эх, жаль, что на десяток шкафов не размахнулся,— тогда хоть «Запорожец» присматривай!

Но в мебельный цех на всякий случай позваниваю.

— Пожалуйста,— отвечает начальник,— сделаем. Но выйдет отвратительно. Может, подождете?

Что за вопрос, конечно, подожду! Я не гр-н Адамия: мне не к спеху. Тем более, в руки сама плывет четырнадцатая зарплата. И еще пол пятнадцатой.

Но когда за восемнадцатую перевалило, стало мне как-то невмоготу. Совесть заела. Нехорошо выходит, думаю. Подловато. Мне, конечно, прибыток, а людей, согласно существующему положению, последней прогрессивки лишат. А у них, небось, семья, дети... Надо предупредить.

— Какие дети? — удивился начальник цеха.— Какое положение? У нас один гражданин уже два года ждет и ни разу за наш счет на курорт не ездил.

— Это потому,— объясняю,— что он газет не читает.

— А мы газетам не подчиняемся. Мы подчиняемся Министерству бытового обслуживания РСФСР.

Делать нечего, иду в министерство. Первый зам. министра говорит:

— Нету такого положения. Признано нецелесообразным.

— Позвольте! А как же Главное управление?

— И главного нет. Упразднили. И ничего старого нету, есть только очередные задачи.

А товарищ, который рядом сидел, начальник юридического отдела министерства Р. Р. Кац, говорит:

— Ну подумайте сами. Задержали вам ремонт башмаков, а за это каких-то жалких двадцать копеек суют. Да разве вы возьмете, а? Плюнете и уйдете.

Вообще-то я бы взял: двугривенные на дороге не валяются. Но тут устыдился чего-то и высокомерно ответил:

— Плюну!

— То-то! — обрадовался тов. Кац.— И второй плюнет и пятый. А иные нечестные работники будут на этом наживаться. Зачем же внедрять такое положение?

— Нецелесообразно! — завершил беседу первый зам.

В общем, плакали мои денежки. Уплыла, качаясь, лодочка...

Больше ждать было нечего, и я пошел в цех.

— Сделаем! — сказал начальник.— Но будет ужасно плохо.

— Делайте,— смиренно согласился я.

— Будет отвратительно! — возвысил голос начальник.— Уродливо! Мерзко!

— Делайте мерзко,— окончательно капитулировал я.

— Мда...— промычал начальник.— А ведь у нас фанеры нету. Даже отвратительной. Так что загляните через месяц. Или лучше через два.

Но ждать я уже не мог. Во мне вдруг проснулся бурный темперамент гр-на Адамия. Я отчаянно жал на все педали. Первой стал Госарбитраж.

— Девяносто рублей,— подтвердил мои финансовые притязания тов. Черкасов.— Дело у вас беспроигрышное. Привозите ваш договор... Кстати, как вы оформили договор?

— Очень просто! — окрыленно объяснил я.— Заплатил триста пятьдесят рублей — с одной стороны, обязались соорудить шкаф к середине июля — с другой.

— Гражданин,— разочарованно сказал арбитр,— у вас ведь не договор. У вас квитанция.

И брызнула вдребезги моя эрудиция. Все объяснил тов. Черкасов. Объяснил, что с квитанцией нельзя соваться в арбитраж. Что не положено — в суд. Что бесполезно — в прокуратуру. И что квитанция — это обыкновенная бумажка, удостоверяющая, что у меня взяли такую-то сумму. Кстати, деньги свои обратно я тоже не имею права получить, даже если шкаф не будет готов к началу XXI столетия.

Короче, перед лицом тихоходного сервиса я абсолютно бесправен. Мне оставлено лишь одно право — жаловаться.

Как гр-н Адамия, который, непрерывно жалуясь, уже три года не может получить из химчистки свои почти новые брюки.

Как гр-ка Сушанская, которая уже полгода пишет письма, безутешно скорбя о платье, сгинувшем в недрах гомельского ателье № 19.

Как гр-н Горьковой из Астрахани, который складывает в третий мешок переписку по поводу затянувшегося ремонта холодильника.

Нам отвечают, поскольку, согласно закону, обязаны отвечать. Но нам не ремонтируют, не шьют, не чистят и не строгают в срок, поскольку законов на этот счет нету.

Вот если бы и впрямь били рублем нерадивых!.. Если бы я, простой гражданин, вступал в равноправные договорные отношения со сферой быта!.. Если бы автор вдохновляющей газетной статьи бывший первый зам. бывшего начальника бывшего главка тов. Самойлов Борис Алексеевич сидел на месте нынешнего первого зама нынешнего министра...

Кстати, а как фамилия товарища замминистра? Я позвонил в министерство.

— Какой, говорите, заместитель?

— Первый. У которого из приемной дверь направо. На втором этаже.

И четкий голос секретарши произнес:

— Товарищ Самойлов Борис Алексеевич.

БУДАПЕШТСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

С. СПАССКИЙ

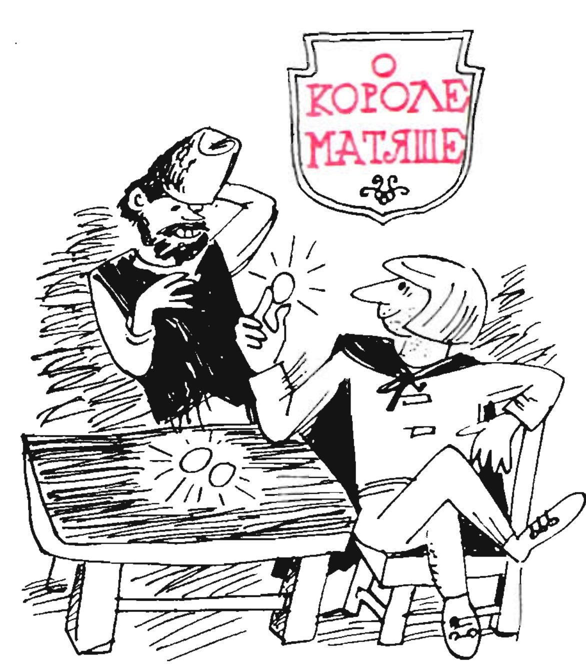
Мостами через Дунай будапештцы очень гордятся. По утрам они тщательно пересчитывают их, потому что каждый мост дорог им по-своему. Один мост, например, самый длинный — два километра, другой — самый новый. Третий не соединяет берега по прямой, как все нормальные мосты мира, а на середине вдруг под углом сворачивает налево. Ну как не любить такой мост! А четвертый мост весь во львах. Говорят, скульптор работал над ними долго и старательно, но уже после акта приемки моста обнаружил, что забыл сделать львам языки и от позора застрелился.

Надеюсь, что это просто вымысел. Случись со мной такая оплошность, я бы за ночь слепил языки и вставил их на место, тем более что сделать это — пара пустяков: ведь львы сидят с разинутыми пастями.

В Будапеште зелени мало, и местом отдыха для горожан служит остров-парк Маргит, названный по имени дочери короля Белы IV. Рассказывают, что по случаю освобождения страны от монгольского нашествия папа упрятал дочку в монастырь, где она и провела всю жизнь. Так несколько странно выражали тогда короли свою радость. Сама-то Маргит, думаю, согласна была на новое нашествие, лишь бы освободиться, но ее мнением никто не поинтересовался.

Развалины монастыря невезучей королевны существуют и поныне.

Дворец короля Матяша считался верхом расточительства, десятым чудом света. В XVI веке дворец был буквально втоптан в землю резвыми турками, а сейчас успешно раскапывается.

А сам Матяш, подобно Гарун-аль-Рашиду, обожал «хождение в народ» инкогнито, переодетым. Однажды, повествует легенда, зайдя в хижину, Матяш попросил поесть. Добрый домовладелец угостил его тремя яйцами всмятку, бесплатно. Растроганный король тут же дал хозяину взамен три золотых яйца. Мне лично не очень верится, что дело было именно так. Откуда Матяш знал, что ему предложат яйца! А если бы ему дали виноград или баранью котлету, где бы он взял соответствующие изделия из золота!

Я побывал в пещерах Будайских гор. Веселый молодой гид долго таскал меня по сталактито-сталагмитовым коридорам и залам, эффектно освещенным прожекторами. Кое-где от туристского утоптанного маршрута отходят загадочные, манящие к себе щели. Но туда пускают только специалистов-спелеологов. Зажав в зубах фонарики, ровняя животами землю, разведывают они новые и новые глубинные ходы.

Гид показал мне каменную глыбу, чудом висящую над нашими головами.

— Если под ней захочет пройти неверная жена,— объяснил он,— глыба непременно обрушится.

Мужья часто проверяют этим способом верность своих супруг и выходят из пещеры очень довольные.

Удивило было меня засилье на улицах мужчин, но вскоре я быстро разобрался: много не мужчин, а людей в брюках, а это в Венгрии не одно и то же. Женщины, мило улыбаясь, присвоили себе исконно мужскую часть туалета. Брюки белые, красные, клетчатые, цветастые... Мужчины терпеливо сносят женское наступление и не предпринимают ответных шагов. Впрочем, говорят, один молодой человек осмелился появиться на улице в мини-юбке, но гулял всего десять минут, до прибытия «Скорой помощи» с двумя богатырями в белом.

А. КУЧАЕВ

Рассказ

ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

Повесил я объявление: «Продаю подержанную машинку. Обращаться по адресу... Справки по телефону...» Ну, естественно, указал адрес и телефон.

Через день звонит некто, назвавшийся Миусским.

— Объявление давали?

— Давал.

— Можно зайти для переговоров?

— Прошу.

Вечером пришел Миусский.

— Здрасте...

— Здравствуйте.

Сидим, беседуем.

— Какой марки машинка?

— «Эрика»...

— Понятно... Что же, германская?

— Да. Производство ГДР.

Демонстрирую машинку.

— Интересная вещица,— улыбается Миусский.— И сколько же?

— Восемьдесят. Деньги нужны, даром отдаю.

— Ничего себе даром, хе, хе... Даром! Да у меня и денег таких с собой нет.

— Вы же пришли покупать! По объявлению! Машинку! Как же денег нет?!

— Я ж только прицениться...

— Хорошо. Если берете, едем к вам на такси: я вам машинку, вы мне деньги.

— Как у вас все это быстро... Раз-раз! Такие дела так не делаются.— Миусский стал разглядывать мою комнату.— Интересно, а за барометр вы сколько попросите?

— Ничего не попрошу. Он мне самому нужен.

— Что? Самому? Смехота! Да зачем вам барометр? Когда бюро погоды имеется.

— А вам на что?

— Мне-то? Да как же... На стенку повесить.

— Ну и тут он висит. Не летает.

— Так то ж тут...

— Хорошо, забирайте барометр: пятерка.— У меня действительно было туго в тот вечер с деньгами.

— Вона! Пятерка! — Миусский подмигнул мне.— Шуткуете?

— Какие шутки? Дедушкин барометр. Футляр красного дерева.

— Да у меня денег таких и отродясь не бывало...— сказал Миусский и вздохнул.— Кепка вона висит... Белая. Часом не уступите?

— Нет. Это подарок.

— Жаль. Я бы за ценой не постоял...

— Хорошо. Какая ваша цена?

— Что, отдаете?

— Отдаю.

— Прямо сейчас?

— Сию минуту. Называйте цену!

— Эх, брата не захватил,— сказал Миусский.— Брат у меня — золото. Между прочим, зарабатывает не хуже вашего.

— Сочувствую. Называйте цену.

— За так возьму.

— Какая же это цена «за так»?

— Хорошая цена. Кепка-то ерундовская. Только-только плешь прикрыть.

— За так не пойдет,— твердо сказал я.

— Выходит, зря мотался по городу, телефон вертел,— опять вздохнул Миусский.

— Берите, и до свидания. Всё! — Терпение мое лопнуло.— Берите кепку за так, и гуд бай!

— Это значит «до свидания»? Так мы с вами дела не сделаем,— сказал Миусский.— Ничего не всё. Вот... За десятку отдам.

— Что это?

— Шарики. Ручки шариковые.

— Мне не нужно.

— Ну вот! Машинку продаешь — и не нужно! А писать чем?

— Так ведь не продал машинку!

— Все равно,— сказал Миусский,— меньше чем за десятку не отдам. Хоть расшибись мне тут!

Стиснув кулаки, я пошел к соседям и занял десятку. Отдал ее Миусскому и взял «шарики».

— Кепку ты мне подарил, кажись,— сказал Миусский, нахлобучивая кепку и снимая со стены барометр.— Два толковых человека — и чтоб не поладили...

Сизиф-70 Рисунок К. НЕВЛЕРА

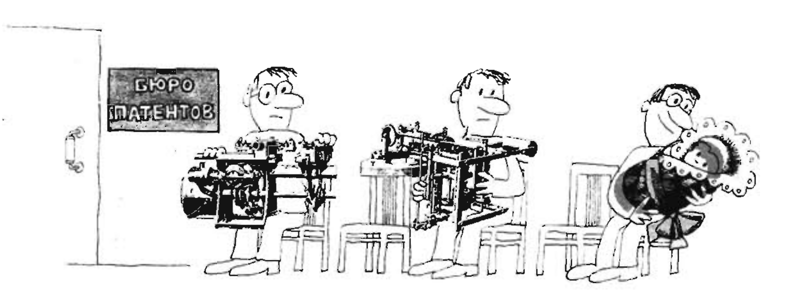

Рисунок А. СЕМЕНОВА

Николай ФЕДЮРКО

ТЕЛЕСТРАДАНИЯ

Наш телевизор
Тихо, без паники,
Год уже чинят нам
Телемеханики.
И беспокоит нас
Больше всего:
Те ли механики
Чинят его?

В ПОЛОЖЕНИИ «ВНЕ ИГРЫ»

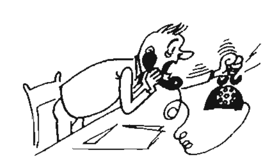
Сидит ремонтник
огорошенно,
Крыть «Сельхозтехнику»
готов:
Как много ею шайб
заброшено,
Но нет ни гаек,
ни болтов!

КАК В БИЛЛИАРДЕ

Как комплектуют
кадры тут?
По-биллиардному,
обычно:
Прямые в лузу
не идут,
Зато свои
идут отлично.

«АЛЛО, АЛЛО!..»

Эти слова долго звенят в ушах после попытки дозвониться по телефону из поселка Купавна в Москву. Или тебя не слышат, или ты не слышишь. А чаще всего никто никого не слышит.

Поселок Купавна расположен не на Курильской гряде, не в Антарктиде — в тридцати километрах от Москвы.

Возникает вопрос: а есть ли хозяева у купавинского телефона? Есть. Даже два: начальник Куровского электротехнического узла Антонов М. С. и начальник Балашихинского районного узла связи Королев А. П.

Напрашивается еще один вопрос: жаловались? Неоднократно. И даже ответ получен на наши жалобы. От главного инженера производственно-технического управления связи Московской области тов. Коренкова, который утверждает, что в поселке Купавна «восстановлена нормальная работа телефонов».

На бумаге, может, и восстановлена...

Н. ФЛЕРОВ

Пос. Купавна, Московской области.

ПОД ГИПНОЗОМ

Способностью гипнотизировать обладают не только некоторые люди, но и некоторые блестящие предметы.

В этом я убедился в магазине № 4 нашего поселка. Взглянув на светящуюся полированную поверхность тумбочек под телевизор, я впал в такой восторг, что тут же выложил в кассу сорок восемь рублей за две штуки.

Однако, когда я с дорогостоящим грузом оказался дома, действие гипноза окончилось. И тут же я сделал открытие, что дверцы тумбочек не открываются, поскольку их не за что открывать: нет ручек.

Пришлось мне на легких рысях устремиться обратно в магазин. Директор утешил меня тем, что пострадал не только я один: иркутская мебельная фабрика «Байкал» пригнала в таком же виде всю партию товара.

Теперь остается только выяснить: кто же загипнотизировал работников ОТК предприятия, прихлопнувших паспорт каждого недоукомплектованного изделия своей высокоавторитетной печатью?

В. ЗАГВОЗДИН

Пос. Энергия, Иркутской области.

Дважды левша

Дорогой Крокодил!

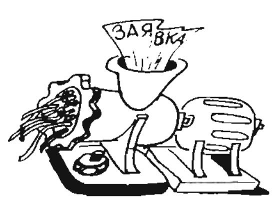
Хочу поделиться с тобой совершенно невероятным открытием. Представь себе, что где-то рядом с нами живет человек с двумя... левыми руками. И именно для этого уникального человека Ефремовская швейная фабрика, что в Тульской области, выпустила плащ стоимостью в 52 рубля 50 копеек, в котором заботливо предусмотрены два левых рукава.

Совершенно случайно плащ этот купил я. И теперь ума не приложу, как найти человека, для которого он предназначался. Теперь вся надежда на то, что после опубликования моего письма он сам даст о себе знать.

А. АКИШКИН

г. Новомосковск, Тульской области.

СКУЧНОЕ ДЕЛО

Скучно человеку, когда жизнь не радует его всяческим разнообразием. Никнет он, теряет интерес к действительности.

Скажем, главный инженер Барановичского завода торгового машиностроения тов. Лицкевич получил письмо из Дамаскинского сельпо Кировской области. Если бы в письме содержался свежо поставленный вопрос о возможности существования торгового оборудования на других планетах, он, наверное, взялся бы за составление ответа с горячей заинтересованностью. Но из сельпо писали насчет ножей и решеток для электромясорубок. И, конечно, от этой банальной, повторяемой во многих письмах просьбы Лицкевич отмахнулся советом: «Обратитесь в «Росторгмонтаж» или на Московский ремонтно-монтажный комбинат по торгово-технологическому оборудованию».

Кооператоры обратились в «Росторгмонтаж». Ответила заместитель управляющего трестом тов. Петриковская.

По всей видимости, ей тоже скучно иметь дело с ножами и решетками. Она, может быть, с большей охотой консультировала бы граждан по вопросу «Торговое оборудование в Древней Греции». А банальные запчасти сегодняшнего дня вдохновили ее лишь на одно: «Обратитесь на Кировский комбинат».

Обратились. Навеяли скуку на земляков. Получили совет обратиться в облпотребсоюз. Заскучали сами...

Но превозмогли себя — обратились на московский комбинат. Получили отказ. Ввиду отсутствия запчастей. И что удивительно — никакого совета.

Очевидно, директору комбината тов. Осипову, подписавшему отказ, скучнее всех. Если у него даже на стандартный совет не хватило энтузиазма.

Э. П.

Тормозное сено

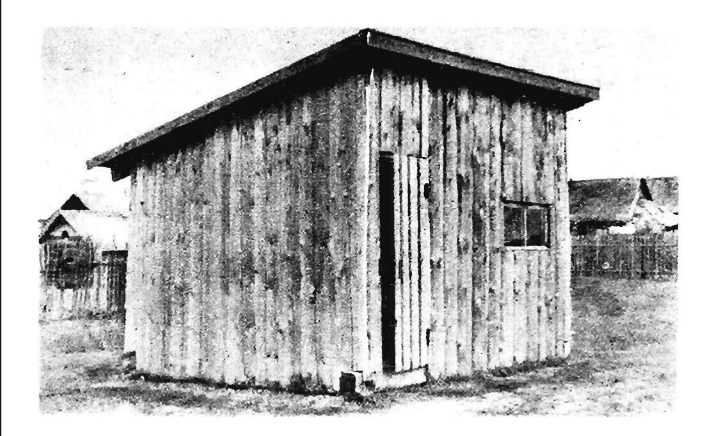
Стоял на станции Первомайск, Горьковской дороги, вагон с тормозным оборудованием для Рижского вагоностроительного завода. И там же находился вагон, доверху набитый сеном, который следовало отправить в Муром.

Первомайские железнодорожники к отправке вагонов подошли творчески, не по шаблону. В результате такого подхода Рига получила вагон с сеном, а тормозные агрегаты попали на станцию Микунь, что в Коми АССР.

А что было отправлено вместо сена в Муром, мы не знаем. Может быть, этот город вообще остался на бобах и не получил ровным счетом ничего...

Гр. КРОШИН

Дорогой Крокодил!

Угадай, пожалуйста, для чего предназначено это строение? И совсем не то, что ты подумал. Это аэровокзал, связывающий наш поселок с Калинином и другими городами. Расположен он в двух километрах от большого кирпичного завода. Своеобразное архитектурное решение аэровокзала плюс крыша, которая протекает, и пронизывающий насквозь холод надолго запоминаются пассажирам, уносящимся отсюда в бескрайние голубые высоты...

В. ПОЛЯНСКИЙ

пос. Селижарово, Калининской области.

— Какое хищение зерна? У меня просто мешки под глазами!

Рисунок **Е. ВЕДЕРНИКОВА**

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ПОСОБИ, МАТУШКА!

Алексей Иванович Лукашкин обычно встречал день в худом самочувствии. И поправлял его сам.

— Ну, пособи, матушка! — бочковым голосом молил он и принимал вовнутрь полстакана хлебной.— А-а-а!

«Матушка» пособляла. Ощутив полегчание, Алексей Иванович брал портфель, выходил на крыльцо и, вдохнув ядреного, с запашком сена озона, ободренно шагал на службу.

А служил он начальником ОРСа Михайловского леспромхоза Горьковской области. Снабжал, стало быть, продовольствием рабочих леспромхоза и еще Камского СМУ. Служба, понятно, сложная, серьезная, но, как говорил сам Лукашкин, неблагодарная. Особливо досаждал ему начальник СМУ Константин Крупин.

— Мы строим торфопредприятие,— каждый раз кипятился тот,— которое будет питать торфом Балахнинскую ТЭС! А чем кормит нас ОРС? Одной кашей. Даже белого хлеба не видим! Мы больше терпеть не можем! Мы будем жаловаться!

Жалоб Алексей Иванович не боялся.

— Ты меня, Костя, не пужай. Молод еще, зеленый! — обрубал он критика.— Руководство со мной считается. Я же вуз кончал, диплом имею.— И, потеплев малость, заключал:— Ладно, жалобщик, ступай. На обед чего-нибудь подкину.

Но подводил Лукашкин: ничего не подкидывал. Ибо уже через час, улучшая самочувствие, доходил до полной хмельной кондиции и, припав к столу, засыпал.

А в Кузьмияре, на месте стройки, грелись страсти.

Стройка открыта всем ветрам. Аппетит — дай бог каждому! А в столовой — опять каша. И какое дело, скажем, бригаде разнорабочих Галины Бадтушкиной до начальника ОРСа? Бригада знает лишь своего начальника. И в столовой звучал голос:

— Айда в контору!

Константин Крупин, выслушав делегацию, принимал крутые меры. Лукашкин обретал выговор и комментировал:

— Что выговор? Он не собака — не кусает. Тьфу!

И так шли дни. Сменялись времена года. Но не менялось меню в столовой. И даже в пору огородного изобилия звучал там голос:

— Давай капусту, картошку!

— Не дают! — отступал за плиту повар.

А область убирала урожай корнеплодов, и колхозники караулили начальника ОРСа.

— Алексей Иванович, дорогой! — приставали они к нему с утра на подступах к конторе.— Ну возьмите у нас капустки! И нам хорошо — далеко не везти, и вам чудесно — из-под бока!

— Разойдись! — вдохновенно пробивался портфелем начальник ОРСа, ободренный «матушкой» и ядреным озоном.— Без вас обойдемся!

А в конторе его ждал телефонный звонок.

— Товарищ Лукашкин? Говорит леспромхоз. Пора запасать картофель. Имеем массу жалоб от рабочих.

— Попрошу меня не учить! — значительно отвечал Лукашкин.— Мы пору знаем. Вуз кончали, диплом имеем!

И леспромхоз на том умолкал. А начальник ОРСа «улучшал» самочувствие.

Шли дни. Два месяца натягивала на себя ледяной покров Волга, обрывая дорогу из Кузьмияра и Михайловки на правый берег — в рай- и облцентр. Левый берег жил на продзапасах. А в запасниках были только крупа и вино. И на правый берег, в Воротынский райком, по телефону шли жалобы на снабжение. С правого звонили обратно на левый, в леспромхоз:

— Срочно примите меры!

Лукашкин обретал очередной выговор.

«Вот все жалуются и жалуются!» — грустил он и, вдруг лучезарно просветлев, дал указание:

— Направьте строителям машину с «Московской»!

На другой день из Кузьмияра донеслось пение: «Из-за о-остро-ва-на стре-е-жень...»

— Ну вот,— удовлетворенно сказал Лукашкин,— поют, значит, довольны.

Песня проплыла от Кузьмияра до Волги, погуляла чуток над ее стрежнями и, переплыв на другой берег, докатилась до райцентра. В леспромхозе раздался телефонный звонок:

— Это что еще за самодеятельность?

— Да Лукашкин строителям вместо продуктов машину водки подкинул!

Другой берег на минуту умолк.

— Все! — послышалось наконец в трубке.— Конец!

И вскоре Лукашкин прибыл в райком по вопросу трудоустройства.

— Хватит! — сказали ему.— Идите работать продавцом!

— Никак не могу! — честно ответил Лукашкин.— Я вуз кончал, диплом имею. На меня казенные средства трачены. Могу только начальником.

В райкоме задумались. В самом деле, вроде как-то не вяжется — продавец с дипломом вуза!

— Хорошо,— сказали тогда,— а заведующим торговым отделом сельпо можно?

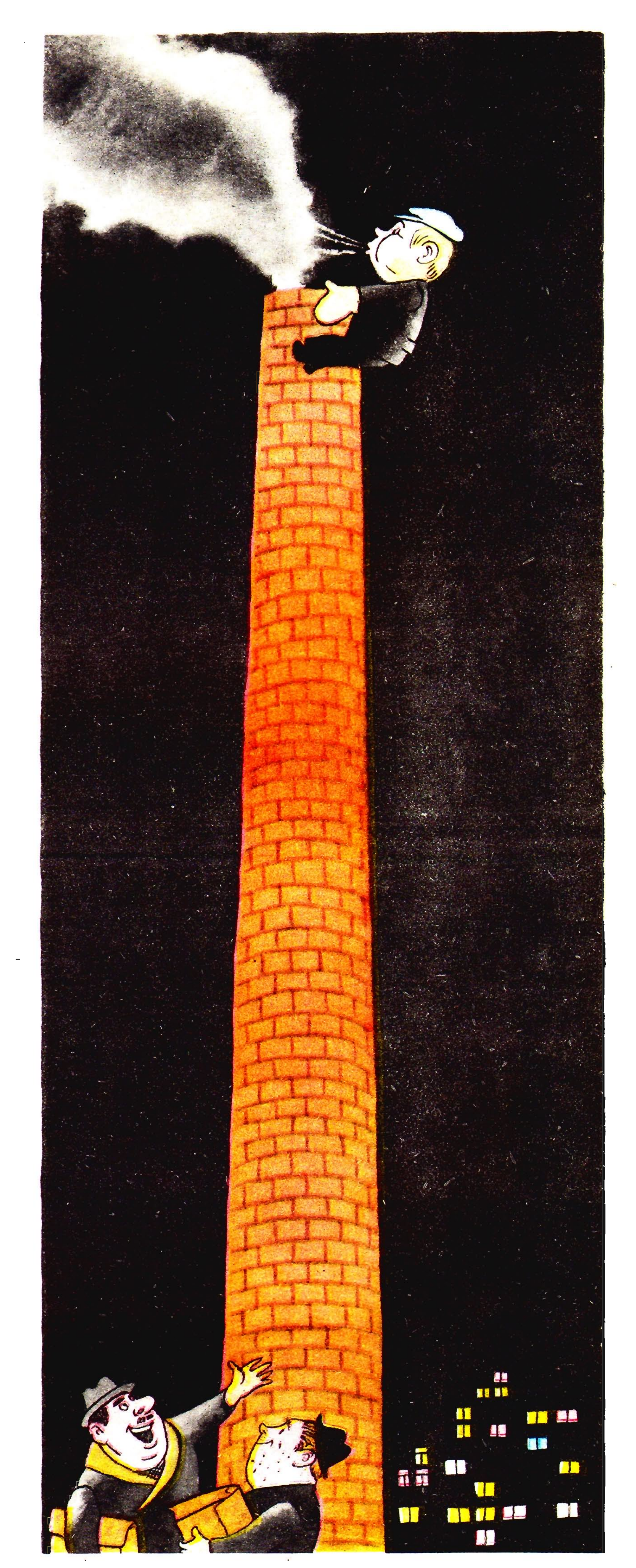
— Заведующим можно! — признался Лукашкин.

В райкоме вздохнули: вопрос о трудоустройстве был разрешен.

И Лукашкин в тот же день переехал в райцентр. Что леспромхозовский ОРС?! Перед ним открылся широкий промтоварно-продовольственный горизонт. В его руках теперь была целая торговая сеть — от магазинов до райресторана.

— Ну, пособи, матушка! — с надеждой и хрипотой в голосе сказал на другое утро Алексей Иванович и, приняв вовнутрь полстакана «Экстры», взял портфель. И зашагал на новую руководящую службу.

Горьковская область

— Теперь у нас ни одна пылинка не попадет на город!

Рисунок
Е. ГУРОВА

С. РОДИОНОВ

МЕЖДУ НАМИ

Братец, ты остался один посреди житейского океана. Без руля и ветрил. И без боцмана — она уехала в отпуск. Остался компас — длинный список дел, которые тебе надо сделать. Но зачем компас без руля? Поэтому урони нечаянно список за диван, и тебе будет спокойнее.

Некоторые думают, что ходить на работу, учиться, руководить, писать диссертацию и сидеть дома мужчина умеет только при помощи женщины. Без жены я прожил двадцать четыре рабочих дня. Мужчина без женщины не погибает — это точно.

В комнате можно не убирать, белье можно брать в шкафу, а вот пищу надо изредка готовить. Жизнь — это еда и питье.

Кое-какой опыт, братец, хочу тебе передать. Все советы проверены лично. Каждый совет — капля моей крови или кусок обожженного тела.

Список ты уже уронил? Итак, мой первый совет: до вечера ходи покуривай, пока не захочешь есть. А уж тогда волей-неволей...

Лучше всего взять пельмени — на них все написано. Но лично я покупал колбасу. Это настоящий мужской продукт. Съешь пару кружков — и ничего тебе не надо, кроме воды.

Высматривая кастрюлю, не бери самую большую и широкую. Во-первых, в нее проваливается пропасть крупы. Во-вторых, варево уже дня через три прокиснет. И, в-третьих, у нее нет крышки, а стиральная доска, которой я ее накрывал, придает пище банный привкус. Поэтому не бери эту кастрюлю. Кстати, жена потом называла ее тазом.

Если каша полезла из кастрюли, то переложи ее в другую, побольше. Если полезла из большой, то клади в ведро и вари дальше. А если уж полезла из ведра на плиту, тогда, братец, ты переложил крупы.

Зачем выскочившие из кастрюли макароны ты лепишь на бок плиты? Они потом засохнут и будут поблескивать по вечерам, как обломанные зубы ведьмы. Я лично вытаскивал из кастрюли макароны в виде плотно шнурованного белого узла. Я никогда не видел гордиева узла, но макаронный узел не рубился.

У тебя в салате появился запах керосина — значит, туда попал бензин. Поменяй местами бутылки из кухонного шкафа и чулана. В какой-то из них подсолнечное масло. А может, и не в них. Подумай: не потому ли голубым пламенем рявкнула утром сковородка?

Если ты второй час не можешь вытащить руку из банки с огурцами, то зачем ты ее туда засунул? Есть простой способ сохранить половину рассола. Уж засунь руку подальше, до самого дна, и неожиданно для себя подними банку над головой. Тогда рассол двумя струями хлынет между кистью руки и горловиной банки. Одна струя проскочит через рукав на спину — это убыток. Вторая польется в миску. Остаток покажи жене, сам не пей — они любят экономных. Теперь бей банку. Огурцы будут в стеклах, выброси их в мусоропровод.

Тебе захотелось чашечку черного кофе — свари. Если он получился густоватым, и ложечка, как балерина, грациозно стоит в кофе, значит, ты заварил гречневую крупу из соседней банки. Попей чаю.

Если из бутерброда торчит горящий окурок, то переложи сливочное масло из пепельницы в масленку.

Если вечером, когда читаешь газету, у тебя начнут слезиться глаза,— не волнуйся. Значит, на кухне тлеет сервант из польского гарнитура. Потуши.

Если ты сунул голову в раскаленную духовку, то потом сразу сунь в холодильник — сбалансируется.

Не вздумай пальцем пробовать сковородку — это негигиенично. Есть простой способ — плюнь на нее. Если зашипит — значит, накалилась.

Ну, что еще? Да, у тебя может появиться чувство, будто в животе перекатывается небольшая гантелька. Все в порядке! Это начинается хронический гастрит.

Иногда на тебя будет накатывать тоска, противная, как болотная хлябь. Будет казаться, что ты погибаешь. Выбрось это из головы. Есть мужские работы и есть женские. Наше место у камня и металла. Жизнь — это не еда и питье.

Хватит, братец, философствовать. Готовься встречать жену. Не надо заметать мусор под стол — там его легко увидеть. Гони мусор под сервант. Вынеси этот дурацкий ящик с черепками столового сервиза. Ну и ну, у тебя тоже заржавела ложка из чистого серебра, а говорят, не окисляется. Потри ее зубным порошком «Жемчуг». Учти, зубная паста «Мери» не годится.

А какие у тебя отношения с соседями? Попроси соседку убрать и приготовить обед. Наше место у стали и гранита. А сам иди сбрей бороду.

В общем, братец, без женщины мужчина проживет двадцать четыре рабочих дня. Больше не пробовал. Но мой приятель прожил двадцать пять. И ничего. Только теперь не наедается.

Да! Братец, не посылай эти советы в «Работницу». Пусть это останется между нами, мужчинами.

г. Ленинград

— У меня местком, я задержусь...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

АКТЕРСКИЕ БЫЛИ

Какие только забавные истории не случаются с актерами, режиссерами на съемках фильмов, в театре. Театральный критик Людмила Кафанова собрала десятки таких историй. Мы предлагаем несколько из них.

Сергей МАРТИНСОН: «Оборотная сторона медали»

Это случилось в те времена, когда по Садовому кольцу еще ходили трамваи, площадь Маяковского именовалась Триумфальной, а там, где теперь Театр сатиры, помещался московский Мюзик-холл. Я был артистом Мюзик-холла.

Каждое утро я приезжал на репетицию прелестного водевиля Лябиша «Святыня брака», который ставил Николай Павлович Акимов. Я исполнял роль американского посла в республике Москитус Папагуаноса. Одновременно я принял предложение сыграть главную роль в оперетте Ж. Оффенбаха «Муж за дверью». Репетиции этого спектакля шли в Парке культуры имени М. Горького.

Точно прикидывая время, я сразу же после репетиции в Мюзик-холле уезжал в парк культуры. Но однажды репетиция в Мюзик-холле задержалась. Что делать? Конечно же, взять такси. Я бросился на стоянку (в те далекие времена такси еще стояли на стоянках и ждали пассажиров), открыл заднюю правую дверцу, упал на сиденье и, сообщив шоферу, что я погибаю, попросил его «поднажать». Машина помчалась по Садовой. И вдруг навстречу такси неведомо откуда выбежал мальчик. Шофер крутанул руль, заскрежетали тормоза, и большой черный автомобиль повалился на правый бок...

Естественно, со всех сторон послышались крики, в мгновение ока машину окружила толпа. Едва придя в себя от удара о какую-то перекладину, я попытался выбраться из машины. Я открыл левое, глядевшее в небо окно и, кое-как протиснувшись в это отверстие, попытался вылезть наружу. И, хотя я некурящий, почему-то сказал:

— Товарищи, дайте закурить.

Несколько человек кинулись ко мне с папиросами. Но в этот момент какой-то знаток киноискусства закричал:

— Да это же Мартинсон! Не подходите к нему, не мешайте. Не понимаете, что ли: киносъемка!

— Товарищи! — взмолился я — Помогите! — Но голос мой потонул в хохоте.

Люди смеялись, показывали на меня пальцами, но... никто не спешил мне помочь.

Николай ПЛОТНИКОВ: «Восьмой дубль»

Снимался кинофильм «Семья Оппенгейм». Я, игравший роль профессора Оппенгейма, по ходу действия должен произнести тост-монолог и выпить бокал шампанского.

Режиссер Григорий Львович Рошаль выстроил сцену так: в кадре крупным планом рука лакея в белой перчатке, подносящая к хрустальному бокалу бутылку. Вино льется в бокал. Со дна кверху бегут пузырьки. А на втором плане за бокалом — тоже крупно — лицо актера. При таком решении шампанское обязательно должно быть настоящим, ибо никакой другой напиток не способен так играть, пениться и искриться.

Сцену прорепетировали с водой. Все получилось отлично. Начали снимать. Откупорили бутылку, налили шампанское в бокал, я произнес тост и выпил вино.

— Нет, нет. На репетиции было лучше, как-то органичнее,— сказал режиссер.— Придется повторить.

Снова откупорили бутылку, снова налили вино в бокал, снова я произнес текст и выпил вино. И снова раздался недовольный голос режиссера.

Сцену пересняли в третий раз, в четвертый, пятый, шестой... И каждый раз я выпивал шампанское.

— Вот, наконец, все в порядке! — радостно закричал режиссер после седьмого дубля.— Голубчики, для страховки еще один дубль.

В восьмой раз откупорили бутылку, налили вино. Я поднял бокал, выпил его — восьмой по счету,— пошатнулся и вместо монолога смог произнести лишь одно слово:

— Готов!

— Присаживайтесь к нам! Что же вам одному-то сидеть!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Роман ТКАЧУК: «Федот, да не тот»

Меня пригласили сниматься на студию «Ленфильм». Был конец августа — школьные каникулы,— и я решил прихватить с собой в Ленинград сына.

В день приезда Ленинград подарил нам чарующую погоду. Ясное, синее небо, ласковое солнце и, несмотря на обычный городской лязг и грохот, разлившееся в воздухе какое-то необыкновенное спокойствие. Подхватив свои чемоданчики, мы зашагали по Невскому, бурно восторгаясь его несравненными красотами.

Около гостиницы «Европейская», куда на первых порах и лежал наш путь, стояли два швейцара в черных ливреях с золотым шитьем. Один — будто сошедший с картины, с длинной белой бородой, величественный и серьезный, другой — помоложе, очень живой и быстрый. Взглянув на нас, молодой широко улыбнулся, что-то зашептал на ухо напарнику, после чего тот тоже заулыбался. И оба они любезнейшим образом раскланялись со мной.

— Здравствуйте, здравствуйте. С приездом. Добро пожаловать!—распахнули перед нами массивную дверь.

— Пап, это твои знакомые? — затормошил меня сын.

— Вовсе нет,— отвечал я, стараясь скрыть ликование.

— А почему же они так с тобой разговаривали? — не унимался сын.

— А что же тут удивительного? Я же артист. Снимаюсь в кино, выступаю по телевидению. Может быть, они видели меня, запомнили...

Должно быть, сына такое объяснение удовлетворило. Во всяком случае, он замолчал. А я продолжал улыбаться, посвистывать... Дескать, не зря трудимся...

Получив номер и оставив в нем свои вещички, мы с сыном снова вышли на улицу. У входа по-прежнему стояли два швейцара.

— Решили прогуляться с сыночком?—осведомился молодой.

А старший добавил:

— Желаем хорошо провести время, товарищ Юрий Никулин.

Не берусь описывать взгляд, которым смерил меня мой сын.

Леонид ВАРПАХОВСКИЙ: «Кто виноват?»

Произошло это в театре имени Вс. Мейерхольда, на репетиции спектакля «Дама с камелиями». Спектакль был обставлен подлинной мебелью эпохи — инкрустированные столики, резные кресла, диваны с роскошными подушками. Бутафории никакой. Если бокалы, то настоящий хрусталь, если ваза, то фарфор или терракота. Герои пьесы пили настоящее молоко с настоящими булочками. Но всего этого Мейерхольду показалось мало, и он решил поставить на сцену клетку с живым попугаем.

Попугая купили заблаговременно, и, ожидая своего дебюта, он обитал в квартире Всеволода Эмильевича.

Наконец настал день, когда попугай должен был принять участие в спектакле. Его, огромного, белого и очень высокомерного, принесли в театр на репетицию. Но это оказалась несчастливая репетиция. Началась она в шесть часов вечера, но только к часу ночи добрались до второго акта. Все время что-то не ладилось, и всякий раз при каждой новой неполадке Мейерхольд оглашал театр криком: «Мехамед!»

Мехамед был у нас помощником режиссера, блестящим работником, которого, кстати, Мейерхольд очень ценил. Но нередко Мехамеду приходилось быть «козлом отпущения». Не так поставили выгородку — «Мехамед!». Не вовремя дали свет — «Мехамед!». Не вовремя сняли свет — снова «Мехамед!». Каждый раз, когда Мехамед, изруганный Мейерхольдом, поникший, уходил за кулисы, я был убежден, что он пошел топиться...

Но вот в конце концов установили декорацию второго акта. Актеры вышли на сцену... Вроде все хорошо. Ан, нет! Не заиграл оркестр. Повисла жуткая пауза. Зинаида Николаевна Райх, репетировавшая роль Маргерит и стоявшая около клетки с попугаем, в ужасе прошептала:

— Ну вот опять... Кто же теперь виноват?

И тут на весь театр истошным, противным голосом закричал попугай: «Мехамед!»

Все покатились со смеху. А Мейерхольд рассердился.

— Уберите вон эту гнусную птицу! — крикнул он.

Клетку накрыли платком и понесли к выходу через зрительный зал. И в тот момент, когда проносили ее мимо кресла, в котором сидел Мастер, попугай просунул голову сквозь прутья и проорал: «А в Ленинграде нет винограда!»

В темном уголке парка юноша наклонился к своей спутнице, чтобы поцеловать ее, но она оттолкнула его:
— Я не допущу этого, пока не выйду замуж.
— Тогда запишите номер моего телефона и дайте мне знать, когда это произойдет.

●

Во время свадьбы одна из женщин говорит соседке:
— Все-таки у невесты очень усталый вид...
— Еще бы! Ведь она боролась за это место лет десять...

●

В ресторане посетитель заказывает торт. Поставив торт на стол, официант спрашивает:
— Как его разрезать — на шесть или двенадцать кусков?
— Лучше на шесть. Двенадцать я, наверное, не съем...

●

— Машенька, я вас обожаю, я просто схожу с ума!
— Слава богу, наконец-то вы заговорили, как нормальный.

●

Один приятель о другом:
— Ты заметил, как он постарел? Теперь он вначале рассматривает меню, а затем уже официантку.

●

Жена говорит мужу, выходя из кинотеатра:
— Не понимаю, что находят в этой Бриджит Бардо. В конце концов, если отвлечься от ее прически, фигуры и бюста, то что же тогда останется?
— Ты,— мрачно ответил муж.

●

Воспитательница детского сада пожаловалась отцу, что его сын балуется, а когда его ставят в угол — убегает.
Отец сурово отчитал сына. На следующий день мальчик радостно заявил дома:
— Папа, я теперь хорошо себя веду. Сегодня целый день из угла не выходил!

●

Отец гуляет с сыном по лесу и объясняет ему:
— Знаешь, сынок, когда-то на месте этого леса было море.
— Я тоже так подумал, папа, когда увидел, что в траве полно банок из-под сардин.

●

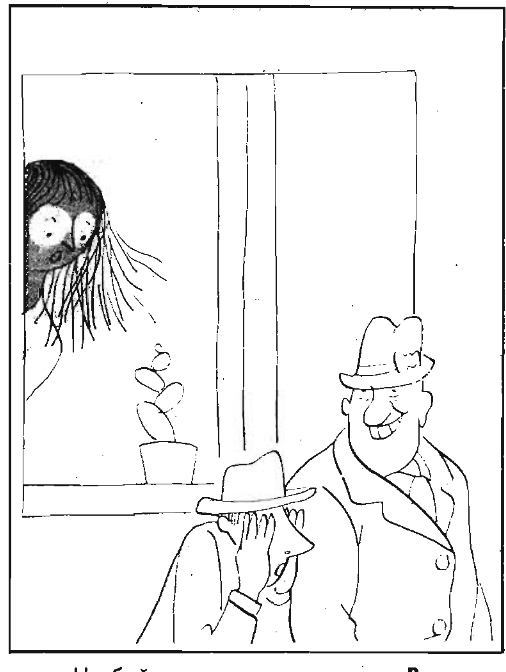
— Мамочка, дай мне рубль.
— Тебе какой, металлический или бумажный?
— Заверни мне металлический в бумажный, чтобы я его не потерял...

●

На медведя.

Рисунок В. КОРШКОВА

— Не бойся, она загорала в больших очках.

Рисунок В. ГИНУКОВА

— Я ему сказала: играть играй, но чтобы вещь не пылилась!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советского изобразительного искусства и в связи с семидесятилетием со дня рождения народный художник СССР **Ефимов Борис Ефимович** награжден орденом **Трудового Красного Знамени.**

Феликс КРИВИН

Со Вселенной Земля разговаривает на коротких волнах.
Короче говоря...
Еще короче...
Лишь короткие волны пробиваются в космос, а длинные не в состоянии оторвать себя от Земли.
Поэтому будем кратки — чтоб нас услышали.

ТЕМПЕРАТУРА

В определенных (очень холодных) условиях даже лед излучает тепло. Но стоит ли ради этого создавать такие условия!

УПРУГОСТЬ И ПЛАСТИЧНОСТЬ

Умение сохранить себя под давлением силы — признак упругости. Умение изменить себя под давлением силы — признак пластичности.

В мире господствуют упругие и пластичные вещества. Есть еще хрупкие вещества, но они, разумеется, не господствуют.

ГЛОБУС

Глобус — это земной шар, возведенный на пьедестал и низведенный до удобных размеров.

ПРИРОДА ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

Каждая низменность норовит стать возвышенностью, и это настоящее стихийное бедствие.

ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОГОДЫ

Там, где каждый считает, что лично он не делает погоды, погода бывает самая отвратительная.

ГЕОЛОГИЯ

Для того, чтобы быть полезным, не обязательно стать ископаемым.

СИЛЫ

Всем силам, которые действуют на земле, противостоит единственная — сила инерции.

ДВИГАТЕЛЬ ВНУТРЕННЕГО СГОРАНИЯ

Только тот, кто способен сгорать, способен по-настоящему что-нибудь двигать.

С. КОМИССАРЕНКО

ЭПОПЕЯ

Рядом с нашей бухгалтерией, за стенкой, кабинет Ивана Семеновича, начальника общего отдела. Голос у него басовитый, звучный, так что когда отчитывает кого-нибудь из подчиненных или разговаривает по телефону, хоть уши затыкай! Вот и сейчас звонит:

— Алло! Это плановый отдел? Пудовиков говорит... Вы что там опять выкинули, а? Ну прямо артисты! Да не прикидывайтесь, будто ни о чем не ведаете! Слышал уже... Говорю, слышал! Наметили, значит, в связи с эпопеей сокращения уволить Тузикова из моего отдела? Это ж додуматься надо! Да знаете ли вы, кто такой Тузиков? Если вообразить на минуточку, будто наш отдел вроде земного шара... Слышите меня? И далее вообразить, будто шар этот на трех китах держится... На трех, говорю! Так вот, Тузиков — один из этих китов. И такую единицу урезать!

Прошла минута молчания, и снова зарокотал голос Ивана Семеновича:

— Местком? Я насчет Тузикова... Скажу вам, братцы, по секрету: парень — во! Как придет к восьми на работу, встанет у чертежной доски — не оторвешь! Идем на обед, он остается... Приходим, а он уже... за доской. Когда только успел пообедать? Бывает, и после работы останется, и на дом попросит что-нибудь начертить... На воскресенье! На праздничные дни! Однажды, говорят, даже ночью приходил на работу, просился... К доске!..

Потом Иван Семенович звонил кадровику:

— Наш отдел без Тузикова,— кричал,— как всадник без головы!

С главным инженером соединился:

— Если урежут все-таки Тузикова,— сказал,— я в главк пойду жаловаться! В министерство!

Директору позвонил:

— Чем Тузикова, Лев Сергеевич, уж лучше сокращайте меня!

Дня три после этого тихо было за стенкой, потом опять мы услышали голос Ивана Семеновича:

— Чем вы там занимаетесь, Тузиков? Снова баклуши бьете?!.

Отстоял-таки штатную единицу!

САТИРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

«История многих людей в старом Таганроге причудлива и петлиста», — с озабоченностью летописца начинает один из своих рассказов, вошедших в книжку «По личному вопросу», старейший писатель-сатирик Сергей Званцев. В большинстве новых произведений сборника, изданного в Ростове, автор выступает именно как сатирик-историограф города, к которому его приковывают давние симпатии.

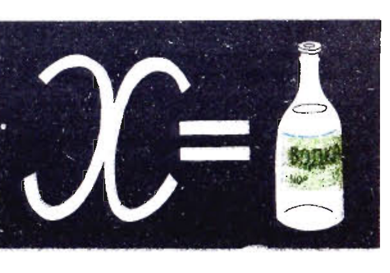
Мы с интересом читаем иронический рассказ о похождениях тщеславного аптекаря, утверждавшего, что именно он помогал Ф. Достоевскому создавать наиболее впечатляющие главы «Преступления и наказания»; мы знакомимся с саркастическими описаниями финансовых операций некоего воротилы Полякова, которого еще А. П. Чехов упомянул в рассказе «В вагоне»; мы вместе с автором потешаемся над полицейскими чинами, не сумевшими разгадать хитрость местных подпольщиков, распространявших среди горожан ленинскую «Правду»... Живая, своеобразная история Таганрога предстает перед читателем под веселым пером Сергея Званцева.

Впрочем, в книжку вошли произведения не только исторического характера. Видное место здесь занимает острая документальная повесть «Человек ищет: где рыба?» — о современной судьбе рыбных промыслов на Азовье.

ВЕСЕЛАЯ АНТАРКТИКА

Веселая? С каких это пор край айсбергов и торосов, вотчину смелых исследователей и мужественных моряков-китобоев стали называть веселым? Одесский писатель Игорь Неверов утверждает: где моряки, там шутки, смех, розыгрыши... Особенно этим славятся одесские моряки из китобойной флотилии «Слава». Автор это знает наверняка, он сам сходил в восьмимесячный поход, а потом выпустил в Одесском издательстве книгу, в которой весело рассказывается о буднях моряков на море и на суше, о забавных событиях в жизни бывалых морских волков и юных «салажат».

Ответ на психологический практикум.
(См. стр. 6).

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

ОБЪЯВЛЕНИЕ
НА ОСНОВАНИИ РАСПОРЯЖЕНИЯ
ВСЕ ГРАЖДАНЕ ПРИВОКЗАЛЬНОГО П/С
ИМЕЮЩИЕ КОРОВ И ПОДРОСТКОВ
ОБЯЗАНЫ
22 СЕНТЯБРЯ 1970 г. ПРИВЕСТИ
ДЛЯ ОБРАБОТКИ В ВЕТЛЕЧЕБНИЦУ
С 8 ЧАСОВ УТРА
ЕСЛИ НЕ БУДЕТ ДОЖДЯ.

Прислал В. Еременко, г. Верхотурье

«Выпив в пив-баре с товарищами по работе, я пошел домой и, вместо дома, попал на крышу обувной фабрики, за что был задержан и оштрафован».

(Из объяснительной записки)

Прислали Л. Куц, В. Иванов, г. Ростов-на-Дону.

«После всего этого теленок также бродил без надзора хозяев и 16 сентября 1970 г. изжевал три плаща «болонья». После этого он вызывался исполкомом сельского Совета по вопросу ущерба родителям, где он категорически отказался платить».

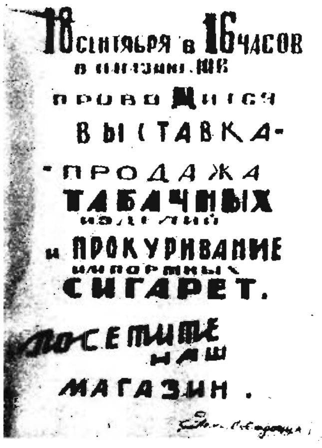
(Из справки)

Переписал И. Архипов,
пос. Кузоватово, Ульяновской области

«Дети до пятилетнего возраста проходят в цирк на руках».

(Объявление в кассе)

Списал Л. Голланд,
г. Ульяновск

г. Брянск, магазин «Заря»
Фото Р. Нюрина

Прислал В. Каштан, г. Тамбов

«Начальнику цеха т. Бойко И. С.
Объяснительная
Я не был на работе по неуважительной причине для производства и по уважительной для себя.
Микушев».

Копию снял А. Иванченко,
г. Новосибирск

Мкртич КОРЮН

НАИВНЫЙ ВОПРОС

Через окно, что было в сад открыто,
Я жанровую сценку наблюдал:
Два воробья, чирикая сердито,
Из-за птенца затеяли скандал.
И вслух подумал я:
а любопытно знать —
Кто воробей-отец, кто воробьиха-мать!

Я на вопрос не мог найти ответа.
Но мне сказал сынишка-сорванец:
— Чудной ты, папа! Очень просто это!
Кто первый замолчит, тот и отец!

Перевод с армянского
А. КАРАСЕВА и С. РЕВЗИНА

КРОКОДИЛ
№ 32 (1970)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Гинуков, Г. и В. Караваевы, В. Коршков (г. Брянск), Ф. Куриц, К. Невлер, А. Семенов, Л. Сойфертис, Ю. Степанов, В. Тамаев, В. Тильман, Ю. Узбяков, А. Чикарьков, Е. Шабельник.

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 2/XI 1970 г. А 00178. Подписано к печати 10/XI 1970 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч. изд. л. Тираж 5 100 000 экз (1-й завод: 1—3 683 900). Изд. № 2270. Заказ № 3073.

■

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

Ястребиная охота по-американски

Рисунок **А. КРЫЛОВА**